

Цуй Мин-дэ с лёгким удивлением посмотрела на меня, и в её голосе прозвучала одобрительная нотка:

— Эрнян и впрямь умна. Не стану скрывать: хотя в великих родах все происходят от одного корня, одного предка, у каждого в конечном счёте свои устремления и склонности. Тем более, я — женщина, нахожусь в задворках дворца, искать покровительства у принцессы — разве не самое естественное дело?

Слова Цуй Мин-дэ звучали весьма разумно, но мне всё равно что-то не давало покоя. Я внимательно, с головы до ног оглядела её и вдруг поняла, в чём дело. Если я хочу сблизиться с Вэй Хуань, всё происходит само собой, естественно и закономерно. Уж точно не так, что я подхожу и говорю: «Давай дружить!» — и с этого момента мы становимся друзьями. Думаю, поиск покровительства устроен похоже. Я даю ей поручения, она строит для меня планы, туда-сюда, взад-вперёд — вот так люди и оказываются в одной лодке, всё понимая без слов. А её прямой подход больше напоминает мои бывшие настойчивые допросы Вэй Хуань: «Мы ведь друзья?» — слишком уж нарочито. В те времена я была молода, горяча и действовала, не думая. Но Цуй Мин-дэ — не из таких. Зачем бы ей так поступать?

Я пристально смотрела на Цуй Мин-дэ, она — на меня. Мы долго молча измеряли друг друга взглядами. Первой заговорила я:

— Ты специально сказала мне столько всего, но не объяснила, чем конкретно можешь помочь, и чего сама хочешь добиться.

Лёгкая улыбка тронула её губы:

— Сейчас наступают смутные времена. Тяньхоу держит в руках бразды правления уже почти двадцать лет, она в расцвете сил и вряд ли легко расстанется с властью. Наследный же принц, хоть и молод, неискущён в делах, но его окружают многие старшие сановники, к тому же он опирается на законность и моральный авторитет престолонаследия. Если в государстве что-то случится, при дворе неизбежно начнётся смута. Ты — единственная дочь Тяньхоу, и у наследного принца тоже лишь ты одна сестра. Хоть ты и женщина, не факт, что тебя не втянут в эту пучину. Такой человек, как я, всегда может пригодиться.

Хоть вокруг меня и много прислуги, толковых, с кем можно посоветоваться в трудную минуту, почти нет. Сердце моё дрогнуло, но на лице я сохранила безразличие:

— Ты сама говоришь — я единственная дочь матушки, у наследного принца я единственная сестра. Даже если меня втянут, в крайнем случае я откажусь от владений и титула, уйду в монастырь даосской монахиней. Неужели они действительно смогут мне что-то сделать?

Цуй Мин-дэ ответила:

— Эрнян, ты знатного происхождения. Пока не совершишь серьёзного проступка, богатство и почёт тебе обеспечены. Но Вэй Хуань, будучи низкого происхождения, избрана в супруги наследному принцу. Сверху ей придётся выказывать почтение Тяньхоу, снизу — быть покорной женой. С одной стороны — свекровь, с другой — супруг. Интересно, как она будет выкручиваться?

Я уже насторожилась и не пожелала выдать свою заинтересованность, высокомерно вскинув подбородок:

— Раз выйдет замуж за наследного принца, станет его человеком. Её положение, почёт или

унижения — какое отношение ко мне это имеет? К тому же, в мире лишь слыхано, что старшие невестки опекают младших сестёр, а не наоборот.

Цуй Мин-дэ сказала:

— Если Эрнян и вправду не желает, Мин-дэ не станет настаивать.

С этими словами она вернулась на своё место и безмятежно принялась пить чай.

Тут мне стало немного неловко. Я почесала голову:

— Чего же ты хочешь, примкнув ко мне? Говори. Если твои чаяния не слишком чрезмерны, я не прочь иметь лишнего-другого человека для обычных бесед.

Цуй Мин-дэ мягко улыбнулась:

— Если при дворе начнётся смута, пострадаем не только ты. Таким, как мы, женщинам-чиновникам, служащим перед лицом императора, тоже вряд ли удастся остаться в стороне. Надеюсь, тогда Эрнян обратит на нас внимание, и мы поможем друг другу.

Я только что усомнилась, зачем Цуй Мин-дэ такая прямолинейность, но, услышав «поможем друг другу», сразу всё поняла. Её сегодняшняя откровенность не только заранее снимает многие мои будущие подозрения, но и превращает любые наши будущие связи и взаимодействия в заранее оговорённые «взаимопомощь»! По положению я выше, она ниже. Говоря о «взаимопомощи», на деле большая часть помощи, скорее всего, будет исходить от меня. Но, с её подачи, выходит уже не так, что она принимает мою милость, а будто мы вступаем в равноправные отношения. Что и говорить, потомственная аристократка — возвеличить себя такими приёмами для неё пара пустяков, и отказать-то неловко.

Авторское примечание:

Я сделала вид, что обдумываю её слова, и лишь потом кивнула. Едва закончив этот разговор, я почувствовала себя вымотанной душой и телом, но на сердце оставался один важный вопрос. Осторожно спросила её:

— Моё отношение к Вэй Хуань... со стороны очень заметно?

Цуй Мин-дэ бесстрастно ответила:

— Мы с Эрнян живём и учимся вместе, к тому же есть история с Дугу Шао, поэтому я и разглядела. В глазах остальных Эрнян просто чрезмерно балует Вэй Хуань, но ничего особенного в этом не видят.

Я слегка успокоилась и снова спросила:

— А в твоих глазах, какие мы с Вэй Хуань?

На этот раз Цуй Мин-дэ опустила взгляд и лишь спустя долгое время произнесла:

— Какие бы ни были, конца у этого не будет.

«Принцесса Чанлэ прислала письмо собственноручного написания», — осторожно войдя,

служанка тихо доложила Цици.

Императорский указ о браке уже был обнародован, и Вэй Хуань теперь стала самой высокой особой в доме, а Цици, соответственно, превратилась в главную среди служанок. Даже слуги отца и матери не смели вести себя перед ней слишком развязно.

Уголок губ Вэй Хуань дёрнулся в насмешливую усмешку. Она хотела улыбнуться, но в конце концов так и не смогла, лишь холодно повернула голову и приказала:

— Подай.

Цици сообразительно поднесла письмо к ложу, помогла Вэй Хуань приподняться и тихо удалилась.

Вэй Хуань нежно провела рукой по конверту. На лицевой стороне не было ни единого иероглифа, бумага самая обычная. Не укажи специально — никто и не догадался бы, что это письмо, написанное рукой принцессы.

Вскрыв его, она увидела знакомый почерк. Много дней и ночей она копировала этот почерк, подделывая за ту домашние задания. Позже та наконец-то прониклась учёбой, и Вэй Хуань больше не приходилось помогать ей в таких делах. Она лишь понемногу собирала разную писанину, всё, что та исписывала, аккуратно подшивала в тетради, раскладывала по категориям — на досуге можно будет полистать, потешить душу.

Талант у той на самом деле был неплохой, вот только лень всегда одолевала: если дело можно было сделать вполсилы, она и пятой доли не приложит. В учёбе тоже была отъявленной прагматичкой: исторических книг читала много, конфуцианских канонов — мало; всяких хитростей изучала много, каллиграфией — мало занималась.

Поэтому даже сейчас, когда она стала усерднее, её почерк в лучшем случае можно было назвать средним среди девиц её возраста, уступал даже почерку Вэй Хуань, которая в детстве училась украдкой в своей комнате.

Но судя по этому письму, её ленивая привычка, похоже, поубавилась — в письме была всего одна строка: «Куда падут алые лепестки, обретут ли вечный покой?» Восемь иероглифов уставом, выведены аккуратно и ровно. В месте подписи имени не было, лишь небольшая печать с красными иероглифами чжуань: «Хранительница Чанлэ».

Эту печать та вырезала, когда жила в храме Чанлэ. Тогда чувства только-только зародились, они не разлучались с утра до ночи, и даже мгновения разлуки казались невыносимыми. Но и этого ей было мало — утром, в полдень и вечером она писала по письму, кладя его со своего стола под подушку Вэй Хуань. Ещё она заказала вырезать две печати: одну с красными иероглифами чжуань «Хранительница Чанлэ», другую — с белыми иероглифами лишу* «Миг сладостного опьянения».

* Чжуань и лишу — стили древней китайской каллиграфии.

Стихов она сочиняла неважно, но порой выдавала поразительные строки. Что-то вроде «На башне Фениксов фениксы кружат» или «Миг сладостного опьянения» — все они были причудливы и прекрасны. Но попроси её сочинить целое стихотворение на эти строки — ни за что не согласится, говорит, не её это творение, негоже воровать.

Вэй Хуань с нежностью протянула палец и провела им по иероглифам «Чанлэ», туда-сюда.

Спустя несколько вздохов она накинула халат, поднялась и подошла к письменному столу. Уже собиралась позвать служанку растереть тушь, но передумала и крикнула Цици:

— Кто принёс письмо? Он ещё здесь?

Цици ответила:

— Это был евнух в красном по имени Фэн. Сказал, что принцесса велела дожидаться ответа от госпожи.

<http://bllate.org/book/16278/1466824>